

Часы в гостиной мерно тикали. Каждый удар отдавался в сердце Су Няньаня и заставлял его нервничать всё сильнее.

Вскоре снова послышался звук колёс по полу — Лу Чжиянь спустился со второго этажа.

На нём был тёмно-серый домашний костюм. Он по-прежнему сидел в инвалидном кресле. Выглядел немного лучше, чем вчера, но лицо всё так же оставалось холодным, без единого тёплого оттенка.

Взгляд Лу Чжияня упал на завтрак на журнальном столике. Он тут же нахмурился, и в глазах мелькнула явная брезгливость.

Сердце Су Няньаня подскочило к горлу. Он немедленно опустил голову и даже дышать стал тише.

Рядом стояла тётушка Чжан — давняя служанка семьи Лу, много лет прислуживавшая Лу Чжияню. Она всегда смотрела на людей свысока и с самого начала невзлюбила Су Няньаня.

По её мнению, он был всего лишь незаконнорождённым неизвестно откуда, не достойным господина Лу, но при этом занявшим место его супруга. Одно его присутствие раздражало её.

Увидев, что Лу Чжиянь нахмурился, тётушка Чжан тут же шагнула вперёд, натянув почтительную улыбку, и протянула руку к подносу.

— Господин, это с виду уже несъедобно. Я плохо уследила за слугами. Сейчас же велю приготовить вам новый, достойный завтрак.

Едва коснувшись подноса, она нарочно резко дёрнула его в сторону.

С громким грохотом поднос перевернулся на пол.

Каша разлилась по мрамору; вязкие брызги попали и на брюки Су Няньаня. Тёплая каша обожгла ногу, он невольно отдёргнул её и резко втянул воздух.

Два жареных яйца шлёпнулись рядом, разломались и смешались с кашей. На полу осталась сплошная грязная каша.

Тётушка Чжан тут же отступила, изобразила невинность и с поклоном пожаловалась Лу Чжияню:

— Господин, вы только посмотрите! Он даже завтрак удержать не может, всё разлил. До чего

же бестолковый — только мешает вам нормально поесть.

Вся вина мгновенно легла на Су Няняня.

Он стоял, опустив голову, и смотрел на пятна каши на брюках. Остывающая ткань прилипла к ноге, причиняя одновременно холод и боль.

Ему хотелось объяснить: это сделал не он, тётушка Чжан специально перевернула поднос. Но под тяжестью исходившего от Лу Чжияня давления слова застряли в горле.

Он не посмел ни заговорить, ни оправдаться и лишь молча принял несправедливое обвинение.

Лу Чжиянь посмотрел на беспорядок на полу, затем на тётушку Чжан с её оскорблённым видом и наконец на перепачканного Су Няняня.

Су Нянянь чувствовал этот взгляд — холодный, как лезвие, скользящее по коже.

Он ждал, что Лу Чжиянь его отругает, что-нибудь разобьёт или выгонит из дома.

Но тут Лу Чжиянь произнёс бесстрастно:

— Хватит.

Всего два слова, однако в них была такая непререкаемая власть, что тётушка Чжан застыла. Выражение обиды на её лице тут же исчезло. Она поспешно опустила голову:

— Господин, я виновата.

Лу Чжиянь холодно скользнул по ней взглядом и больше ничего не сказал. Очевидно, продолжать разбирательство он не хотел.

В сердце Су Няняня что-то слегка дрогнуло. На мгновение он подумал, что Лу Чжиянь вступился за него, что тот увидел намеренную издёвку тётушки Чжан.

Но уже в следующую секунду взгляд Лу Чжияня остановился на нём, а голос наполнился неприкрытым раздражением и укором:

— Чего стоишь здесь и мозолишь глаза? Из такой мелочи умудрился устроить неприятности. Быстро всё убери.

«Мозолишь глаза».

Эти слова ранили сильнее насмешек тётушки Чжан и сильнее беспорядка на полу.

Выходит, Лу Чжиянь остановил служанку не ради него. Он просто не хотел, чтобы прислуга скандалила у него перед глазами. Просто считал Су Няньаня помехой, раздражающей и хлопотной.

Он никогда не собирался ему помогать и даже не задумался о том, что именно Су Няньань здесь оказался жертвой.

В груди поднялась горькая кислота. Глаза щипало, но Су Няньань силой удержал слёзы.

Плакать здесь нельзя. Слёзы только вызовут ещё большее отвращение и заставят Лу Чжияня ненавидеть его сильнее.

Он присел, взял лежащую рядом тряпку и стал понемногу вытирать кашу с пола.

Клейкая масса пристала к мрамору и плохо оттиралась. Су Няньань снова и снова проводил тряпкой по одному месту. Пальцы от холодной воды заledenели, ноги затекли, поясницу сводило от долгого сидения на корточках, но он не смел остановиться.

Тётушка Чжан стояла рядом и довольно косилась на него, не скрывая злорадства. Потом тихо отошла в сторону, уже не решаясь произнести ни слова.

Лу Чжиянь сидел в инвалидном кресле и сверху смотрел, как Су Няньань убирает пол. В его глазах не было ни жалости, ни сочувствия — только нетерпение.

Пальцы Лу Чжияня медленно постукивали по подлокотнику кресла. Ритм был спокойным, но от этого давление на Су Няньаня становилось ещё сильнее.

Тот не поднимал головы и сосредоточенно оттирал пол, не решаясь посмотреть ни на хозяина, ни на окружающих. Все обиды и горечь он прятал внутри.

Пятна на брюках постепенно высохли и затвердели, неприятно прилипая к ноге. Из-за постоянного трения пальцы покраснели, мокрая тряпка была ледяной, кончики пальцев онемели.

Су Няньань понимал: холодность Лу Чжияня — не минутное настроение, она у него в самой крови.

В глазах Лу Чжияня Су Няньань был всего лишь проблемой, раздражающей декорацией, недостойной даже справедливого отношения.

Наконец пол удалось оттереть. Су Няньань поднялся, но ноги настолько затекли, что он едва не упал. Пришлось схватиться за журнальный столик, чтобы удержаться.

Он стоял в стороне, весь перепачканный: на брюках заметные пятна, пальцы красные, волосы слегка растрепались от долгого сидения на корточках.

Лу Чжиянь даже не взглянул на него и спокойно приказал другому слуге:

— Приготовьте новый завтрак и принесите сюда.

Слуга тут же ответил и поспешил на кухню.

Никого не волновало, как выглядит Су Няньань. Никто не спросил, больно ли ему и не обжёгся ли он.

Он стоял в холодной гостиной словно невидимка и молча смотрел на происходящее. Горечь внутри разрасталась всё сильнее, сдавливая грудь до нехватки воздуха.

Оказалось, что в доме Лу даже один прямой взгляд в его сторону — уже роскошь.

<http://bllate.org/book/20587/2058860>